

9/С)1 ЯР

1189 К

-29780-

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Тезисы докладов научной конференции

А. Г. Мельник

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОМПОЗИЦИИ
НАДВРАТНЫХ ЦЕРКВЕЙ С ДВУМЯ
ПРИМЫКАЮЩИМИ БАШНЯМИ
РОСТОВСКОГО КРЕМЛЯ**

Около 1670 г. северные святые ворота Ростовского кремля (архиерейского двора) были оформлены надвратной церковью Воскресения с двумя примыкающими крепостными башнями. Столь оригинальное композиционное решение по

достоинству было оценено современниками. В последней четверти XVII в. данная композиция была использована в оформлении западных ворот Ростовского кремля, а также ворот следующих монастырей Ростово-Ярославской епархии: Ростовского Борисоглебского, Ростовского Авраамиева, Ярославского Толгского и Угличского Покровского. Однако по сей день не найдено убедительного ответа на вопрос об истоках этой композиции.

В литературе сосуществуют две версии о происхождении последней. По одной из них, очень широко распространенной, мастера, строившие Ростовский кремль, взяли за образец композицию надвратной Сергиевской церкви Ростовского Борисоглебского монастыря, якобы построенной в 1545 г. Но, как нами было доказано, указанная Сергиевская церковь с примыкающими башнями была целиком построена в 1679 г. Значит, все-таки она строилась по образцу церкви Воскресения (около 1670 г.) Ростовского кремля.

Иную версию высказал Н. Н. Воронин. По его мнению, «лейтмотив ансамбля (Ростовского кремля — А. М.) — его высокие надвратные храмы, фланкируемые двумя менее высокими крепостными башнями — был явно навеян двухбашенными храмами дворцов Андрея в Боголюбове и Всеволода III во Владимире». Но, по данным самого Н. Н. Воронина, композиция храма Боголюбова к XVII в. утратила свою целостность, а точный облик храмов, сооруженных по заказу Всеволода III, в XVII в. неизвестен. Кроме того, лестничные объемы храмов и крепостные башни — это не одно и то же. И самое важное — непонятно, почему митрополит Иона, от которого, несомненно, как от заказчика, зависело решение, каким быть Ростовскому митрополичьему двору, решил ориентироваться на древние постройки Владимира.

В настоящей работе мы попытаемся отыскать истоки рассматриваемой композиции.

Еще более двухсот лет назад ростовский архиепископ Самуил Миславский обратил внимание на сходство ансамбля Ростовского архиерейского двора с Московским Кремлем. Вслед за ним многие авторы XIX—XX вв. подчеркивали это сходство. И в частности, указывалось на сходство четырехстолпной шатровой звонницы, возвышающейся над крепостной стеной при надвратной церкви Воскресения, с царской звонницей при Спасской башне Московского Кремля.

В связи с этим укажем, что с XVI в. до конца XVII в. к Спасской башне примыкали две невысокие башни бастионного типа. Неоднократно они изображались не только на чертежах XVII в., но и на иконах второй половины XVII в. В XVIII в. эти башни-бастионы при Спасской башне были снесены.

Как видим, общее композиционное решение надвратной церкви Воскресения с двумя примыкающими башнями имело значительное сходство с композицией комплекса Спасской башни в XVII в.

Теперь рассмотрим, случайно ли это сходство. Чтобы ответить на данный вопрос, вспомним, что значила Спасская башня для людей XVII в.

«Спасские ворота, — писал С. П. Бартенев, — главные святые ворота Кремля, подобные святым воротам монастырским. Древний Кремль являлся не только светской столицей Московского государства, но и духовной всероссийской православной столицей, будучи средоточием церковного управления и наиболее чтимых в народе святынь — св. мощей, икон, храмов... Вся внешняя жизнь, обрядовая и церемониальная, выходящая из палат наружу и принимающая размеры и обличье общегосударственного, общенародного торжества, соединялась по большей части со Спасскими воротами... При патриархах в крестный ход, 22 октября, иерарх, освятив на Спасской башне воду, шел оттуда по городским стенам, кропя их святою водою. В Вербное воскресенье проход Спасских ворот был устилаем красным сукном, а мост убирался вербами. Патриарх шествовал на осляти за большим вербным деревом к Лобному месту; пройдя ворота, он становился на приставленной для сего случая амвон, служил литию предвратным образом Спасителя и кропил трехкратно врата святою водою. В день своего поставления митрополиты и патриархи Московские объезжали город на осляти и при этом читали у Спасских ворот вратную молитву». Кроме того, полагают, что в XVII в. Кремль уподоблялся «священному городу Иерусалиму», а Спасские ворота нередко назывались Иерусалимскими.

Надо думать, что при таком особом отношении к Спасским воротам, их архитектурные формы в глазах людей XVI—XVII вв. обретали исключительно большое значение.

Многое из вышесказанного относительно Московского Кремля и Спасских ворот с соответствующими поправками

может быть отнесено к Ростовскому архиерейскому двору и его святым воротам.

Ростовский архиерейский двор был духовной столицей Ростово-Ярославской епархии, средоточием ее церковного управления. По замыслу митрополита Ионы (1652—1690 гг.) ансамбль архиерейского двора должен был символизировать горний Иерусалим. Подобно Спасским воротам, святые ворота Ростовского архиерейского двора являлись главными воротами последнего. Через святые ворота ростовские митрополиты торжественно выходили на соборную площадь к Успенскому собору. Наконец, значительную роль они играли и в Вербное воскресенье. В этот день митрополит от своей крестовой кельи в сопровождении певчих дьяков и подьяков «с лампадою и со святыми» шел через святые ворота на соборную площадь, где совершалось шествие на ослы от расположенной рядом церкви Входа в Иерусалим к Успенскому собору. Вряд ли случайно упомянутая церковь Входа в Иерусалим, что под звонницей, расположена относительно святых ворот так же, как собор Василия Блаженного с приделом Входа в Иерусалим относительно Спасских ворот.

И здесь необходимо подчеркнуть, что для митрополита Ионы архитектурные формы Московского Кремля, видимо, имели особое значение. Ведь в 1664 г. Иона стал местоблюстителем патриаршего престола. Возможно, в конце концов он сделался бы и патриархом всея Руси, если бы не известный печальный инцидент с патриархом Наконом, произошедший в Московском Успенском соборе в ночь с 17 на 18 декабря 1664 г., в результате которого Иона был возвращен на Ростовскую митрополичью кафедру.

Все вышесказанное заставляет предположить, что митрополит Иона сознательно ориентировал своих зодчих при оформлении главных въездов Ростовского митрополичьего двора на воспроизведение композиции Спасской башни Московского Кремля.